

И всё же некоторые вещи не поддаются никакой логике.

Шел день после окончания соревнований, а завтра должен был наступить день рождения госпожи Цзян Лань.

Цзян Хуайюй, который изначально планировал задержаться в столице еще на пару дней перед возвращением, теперь стоял у дверей кабинета отца. В одной руке он держал тщательно отобранный флористом букет, в другой — подарочный пакет с ожерельем, которое купил матери на призовые деньги за победу в конкурсе.

Дверь кабинета была приоткрыта, отбрасывая в коридор узкую полоску света. На стене висела картина кисти Цзян Лань — морской пейзаж под ночным небом. Свет, льющийся из проема, идеально совпадал с лучом нарисованного маяка.

Стоя под этим маяком, Цзян Хуайюй чувствовал себя совершенно потерянным.

Минутой ранее из кабинета донеслись обрывки разговора.

«...Семья Лу, та самая, чей ребенок был подменен при рождении нашим... их обстоятельства действительно весьма плачевны».

«...Но этот мальчик... он так похож на тебя, Цзинлянь. Сходство настолько поразительное, что кровную связь видно с первого взгляда».

«...Биологические родители Сяобао... они отказываются принимать нашу финансовую поддержку...»

«...Климат там суровый, зимой они до сих пор топят углем. Посмотри на этого парня — у него мозоли на руках. Это наш ребенок...»

Наконец, последовал вопрос, полный тяжелых вздохов:

— Как нам сказать об этом Сяобао?

Наступила долгая тишина.

Цзян Хуайюй потребовалась минута, чтобы молча переварить разговор, который только что разбил его мир вдребезги. Затем он медленно толкнул дверь кабинета.

Внутри Сунь Цзинлянь и Цзян Лань сидели на диване под окном. Когда они увидели стройную, прямую фигуру юноши, на их лицах промелькнула паника, которую быстро сменили натянутые

улыбки, призванные изобразить непринужденность.

Сунь Цзинлянь встал и сделал два шага навстречу сыну.

— Сын, ты вернулся пораньше? О! Это подарки маме на день рождения?

Глаза Цзян Лань были слегка покрасневшими. Она поспешно отвернулась, чтобы вытереть их, а затем снова повернулась к нему, и её красивое лицо смягчилось в нежной улыбке.

— Сяобао, поздравляю с очередной победой. Какую награду ты хочешь?

Цзян Хуайюй взглянул на Сунь Цзинляня, который шел неловкой, скованной походкой, двигая руками и ногами в унисон. Он всучил букет в руки отцу, обошел его и уверенно зашагал вглубь кабинета. Опустившись на колени у низкого столика перед диваном, он открыл коробочку с ожерельем.

— Мама, с днем рождения. Я сам выбрал это для тебя.

Это не было роскошное украшение. По сравнению с драгоценностями, наполнявшими шкатулку Цзян Лань, оно выглядело довольно скромно. Тем не менее, она приятно удивилась и улыбнулась, потянувшись погладить сына по мягким темно-каштановым волосам.

— Спасибо, Сяобао. Маме очень нравится. Эта подвеска в форме цветка магнолии? Ты, должно быть, долго её выбирал, верно?

Цзян Хуайюй достал ожерелье, обернул его вокруг тонкой элегантной шеи Цзян Лань и застегнул замок.

— Мама, ради тебя никакие усилия не будут лишними. Ты — моя мать, — закрепив застежку, он наклонился и осторожно обнял её за плечи. — В моем сердце твое счастье — самое главное. И это не изменится из-за кровного родства. Так что, пожалуйста, не плачь, хорошо?

Но плечи Цзян Лань задрожали еще сильнее. Она схватила руку Цзян Хуайюя и крепко сжала её.

Эта рука выросла из пухлого младенческого кулачка с ямочками в ту длинную и сильную ладонь, какой она была сегодня. Она вложила бесчисленное количество часов любви и заботы в его воспитание. Подмена при рождении не была виной Цзян Хуайюя; её единственным страхом было то, что эта правда причинит ему боль и смятение.

Но это было то, что никогда не удалось бы скрыть от Цзян Хуайюя.

— ...В общем, вот как обстоят дела, — закончил Сунь Цзинлянь объяснение всей истории с непривычно торжественным лицом. — Хуайюй, мы с твоей матерью посетили дом твоих биологических родителей. Их условия жизни действительно... не самые лучшие. Мы с матерью предлагаем, чтобы вы оба остались в семье Цзян, чтобы получать лучшие ресурсы и образование. Семья Лу согласилась на это. Однако тебе всё равно следует часто навещать Лу. В конце концов, они твои биологические родители, и они растили Лу Минсяо шестнадцать лет...

Лу Минсяо...

Так вот как звали другого мальчика.

Цзян Хуайюй помолчал мгновение, прежде чем слегка кивнуть.

— Я понимаю... папа.

Его грудь словно набили промокшим хлопком — влажным, тяжелым и удушающим. Тем не менее, факты были изложены так четко и неопровержимо, что у него не было возможности даже задать вопрос. Всё, что он мог — это молча принять их.

Сунь Цзинлянь облегченно вздохнул и похлопал сына по плечу.

— Сяобао, послушай меня. Для тебя ничего не изменится. У тебя просто появился старший брат... Мы проверили; вы двое родились с разницей в десять минут. Он действительно старший.

Настоящий старший брат, рожденный другими родителями.

Цзян Хуайюй медленно выдохнул.

— Прости, папа, мне... мне нужно время, чтобы всё это осознать. У вас... есть информация о моих биологических родителях? Я хотел бы взглянуть...

Он проявил самообладание, далеко выходящее за рамки его возраста, и это зрелище наполнило Сунь Цзинляня одновременно гордостью и щемящей болью в сердце. Он взглянул на Цзян Лань, и та слегка кивнула.

Сунь Цзинлянь достал со стола несколько тонких листков бумаги.

— Хотя их финансовое положение не из лучших, они очень порядочные люди. Твой папа... кхм, твой отец Лу беспокоился, что внезапный контакт с тобой нарушит твою учебу и жизнь, но они очень о тебе заботятся...

Цзян Хуайюй уставился на папку в своих руках. Внутри были фотографии.

Лу Чуань, Ли Цин.

Это были его родители.

Мужчина на фото выглядел бледным и худым. Напротив, женщина рядом с ним, ярко улыбающаяся, излучала жизненную силу. У неё была аккуратная короткая стрижка, здоровая, тронутая солнцем кожа и улыбка, обнажающая ряд жемчужно-белых зубов. Когда пальцы Цзян Хуайюя проследили за её чертами, его поразило то, насколько сильно он похож на свою биологическую мать, Ли Цин.

И всё же их ауры были совершенно разными...

Он перевернул страницу, и на него взглянуло дерзкое, необузданное молодое лицо.

Это был подросток примерно того же возраста, что и Цзян Хуайюй, с аккуратной короткой стрижкой — челка выше бровей, виски открыты. Он стоял боком к камере, засунув одну руку в карман школьной формы, и слегка повернув лицо к объективу.

Это явно был случайный снимок. Брови мальчика были слегка нахмурены, когда он смотрел в сторону камеры. У него были сильные надбровные дуги и глубоко посаженные красивые глаза. Несмотря на то что черты еще сохраняли незрелость юности, под поверхностью уже поблескивала острая, грозная сила.

Короче говоря: красив, да, но с лицом, которое буквально кричало: «я — ходячая проблема».

Он был поразительно похож на Сунь Цзинляна — примерно на семьдесят процентов.

Увидев, что Цзян Хуайюй пристально смотрит на фото, Цзян Лань мягко произнесла:

— Это Лу Минсяо. Твой старший брат.

Цзян Хуайюй не хотел признавать этого, но в тот момент, когда он увидел фотографию Лу Минсяо, в нем вспыхнула гнусная ревность. Это был биологический сын его родителей, тот, кто так похож на его отца. Сила крови свяжет их вместе. Что будет тогда?

Станет ли он чужаком в этой семье?

Должен ли он вернуться к своим биологическим родителям?

Он заговорил, и его голос был хриплым.

— Когда он возвращается?

Цзян Лань на мгновение замялась, прежде чем покачать головой.

— Мы пока не знаем. Он сказал, что пока не хочет возвращаться.

Лу Минсяо не хотел возвращаться. В тот самый день воссоединения семьи он отверг оливковую ветвь, протянутую его биологическими родителями. Супруги Лу также настойчиво уговаривали его вернуться в семью Цзян, но мальчик был невероятно упрям. Когда его спрашивали, почему он не хочет возвращаться, он отказывался отвечать, упрямо вскинув подбородок — точная копия Цзян Лань, когда она сбежала из дома все те годы назад.

Той ночью Цзян Хуайюй не мог уснуть. После такого — кто бы смог?

Его удивил отказ Лу Минсяо возвращаться. Это благородное пренебрежение властью и богатством, казалось, выставляло его собственные расчеты в еще более подлом свете. Ведь он действительно обдумывал это: потеря наследства семьи Цзян вынудила бы его полностью пересмотреть свои жизненные планы.

Но больше всего он боялся потерять Сунь Цзинляна и Цзян Лань.

Они были семьей, которую он любил шестнадцать лет.

После ночи метаний и ворочаний Цзян Хуайюй появился за завтраком на следующее утро с темными кругами под глазами и объявил о своем решении.

— Папа, мама, я хочу навестить... их... во время летних каникул.

Сунь Цзинлян и Цзян Лань поначалу не среагировали. Спустя мгновение Цзян Лань издала тихое «А».

— Ты хочешь поехать повидать своих... Конечно, ты можешь. На сколько дней ты планируешь поехать, Сяобао?

Цзян Хуайюй ответил:

— Может быть, на три или четыре дня...

В первый же день летних каникул Цзян Хуайюй сел в самолет, чтобы встретиться со своей

«другой» жизнью.

В маленьком северном городке, конечно же, не было аэропорта. После перелета Цзян Хуайюй сел на скоростной поезд и прибыл в пункт назначения в три часа дня. Северное лето было таким же удушающе жарким, от зноя раскалывалась голова. Поезд остановился на маленькой станции всего на две минуты; не успел Цзян Хуайюй дойти до выхода, как он уже умчался прочь, подобно вихрю, подняв порыв теплого летнего воздуха.

За свои шестнадцать лет молодой господин Цзян никогда не видел такой крошечной платформы. У его чемодана при погрузке багажа отвалилось колесо, так что ему пришлось нести его в руках. Когда он дошел до выхода, его мир, казалось, рухнул — эскалатор был сломан.

Он тащил чемодан по лестнице, и к тому времени, как он вышел из вокзала, на кончике его носа выступили капельки пота. Шесть или семь человек обступили вход, наперебой спрашивая, куда ему нужно. Цзян Хуайюй осторожно отступил, едва избежав руки, потянувшейся к его багажу. Сделав строгое лицо, юноша объявил:

— Меня заберут.

Его биологическая мать, Ли Цин, сказала, что встретит его. Он окинул взглядом толпу, но не увидел ни следа женщины со здоровым цветом лица, которую видел на фотографии. Видя его нерешительность, водитель нелегального такси предпринял еще одну попытку уговорить его сесть в машину, протягивая грязную, полную энтузиазма руку к чемодану.

Внезапно сбоку вытянулась длинная, стройная рука, выхватив чемодан из хватки водителя. Послышался мальчишеский голос, хриловатый, какой бывает сразу после периода полового созревания:

— Прости, старший брат, этот парень едет со мной.

Цзян Хуайюй повернул голову и встретился взглядом с ухмылкой, которая была не совсем улыбкой.

На мальчике была белая футболка без рукавов, черные спортивные шорты и пара... шлепанцев.

Он был выше Цзян Хуайюя, вероятно, уже перерос отметку в 1,8 метра. Его обнаженные руки были подтянутыми, с гладкими, четко очерченными мышцами. Благодаря широким плечам и длинным ногам даже этот повседневный наряд излучал юношескую энергию.

Лу Минсяо.

Фотография смягчила его агрессивный настрой. Он стоял и пристально смотрел на Цзян

Хуайюя глубокими карими глазами, которые напомнили Цзян Хуайюю его скаковую лошадь — дикую и необузданную. Его взгляд нагло прошелся по молодому господину, после чего парень приподнял бровь.

— Цзян Хуайюй?

Учитывая грубость собеседника, Цзян Хуайюй не счел нужным любезничать. Он ответил на взгляд с такой же интенсивностью, его бледные тонкие губы едва шевелились:

— Лу Минсяо.

Водитель-частник, всё еще не желая сдаваться, сделал шаг вперед, нарушая напряженное противостояние.

— Эй, малец, ты хоть совершеннолетний? Ты водить-то умеешь?

Лу Минсяо бросил на мужчину ленивый, косой взгляд. Он поднял длинный палец и указал на транспортное средство, припаркованное в тени дерева...

Синий трехколесный мотороллер с кузовом.

Цзян Хуайюй: ...

Он повернулся к таксисту:

— Старший брат, поехали.

Лу Минсяо цокнул языком:

— Тц, какой изнеженный молодой господин.

Цзян Хуайюй глубоко вдохнул, но не смог сдержаться:

— Ха, безнадежный нарушитель закона.